

К. А. Вельчева

Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля

**АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ СЦЕНЫ ТРАПЕЗЫ В ПОЭМЕ
У. ЛЕНГЛЕНДА «ВИДЕНИЕ О ПЕТРЕ ПАХАРЕ»**

Розглянуто сцену трапези в поемі В. Ленгленда «Видіння про Петра Орача» (XIV ст.), мало вивченій в українській науці. Проаналізовано алегоричну образність і мотив застільної бесіди в контексті середньовічної карнавальної культури, концепцію якої розробляв М. М. Бахтін. Це дозволило виявити відмінності ціннісної

© К. А. Вельчева, 2015

картини світу Ленгленда від тієї, яку Бахтін вважав характерною для народної культури і для Рабле. Крім того, виділено елементи станової сатири на чернецтво. Досліджено погляди Ленгленда на проблему спасіння душі і зроблено висновок про те, що важливішою за вченість поет вважає наївну віру, покаяння і смирення.

Ключові слова: аллегорія, спасіння душі, образи їжі та напоїв, мотив застільної бесіди, карнавальна культура, станова сатира, гротеск.

Рассмотрена сцена трапезы в поэме У. Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (XIV в.), мало изученной в украинской науке. Проанализирована аллегорическая образность и мотив застольной беседы в контексте средневековой карнавальная культуры, концепцию которой разрабатывал М. М. Бахтин. Это позволило выявить отличия ценностной картины мира Ленгленда от той, которую Бахтин считал характерной для народной культуры и для Рабле. Кроме того, выделены элементы сословной сатиры на монашество. Также исследованы взгляды Ленгленда на проблему спасения души и сделан вывод о том, что важнее учености он считает наивную веру, покаяние и смирение.

Ключевые слова: аллегория, спасение души, образы еды и питья, мотив застольной беседы, карнавальная культура, сословная сатира, гротеск.

The article considers the scene of dinner in W. Langland's poem "The Vision of Piers Plowman" (the XIVth c.), which has not received enough attention in the Ukrainian literary studies. The scene is rich in lists of allegorical and real dishes and contains a discussion of salvation depicted as a table talk. The allegorical imagery and the motif of the table talk are analysed in the article in the context of the medieval carnival culture whose conception was developed by M. M. Bakhtin. It enables us to reveal the differences between Langland's axiology and axiologies of folk culture and of Rabelais described by Bakhtin. In particular, the author of "The Vision of Piers Plowman", who raises the problem of saving the soul, emphasizes the superiority of spiritual food over material food and the importance of asceticism ridiculed by the Renaissance writer. For Langland grotesque becomes a device for satirizing friars.

Langland's main device for creating allegorical images of food and drinks is turning of fragments of penitent psalms into names of dishes. Comparing the gluttonous friar's knowledge and a penitential prayer, the poet raises the problem vital for medieval theologians: the roles of learning and faith for saving a soul. It can be concluded that the poet believes in the advantage of naïve faith, penance and humility over learning.

Keywords: allegory, salvation of soul, images of food and drinks, motif of table talk, carnival culture, estates satire, grotesque.

Для украинской науки аллегорическая поэма Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре», написанная в XIV в., является малоисследованной страницей средневековой английской литературы. В свете повышенного внимания к медиевистике в западном литературоведении и растущего интереса в отечественном существует необходимость детального изучения идейно-художественного своеобразия этого произведения. Масштабный замысел автора – широкий круг вопросов, на которые он пытается дать ответы, множество аллегорических образов, сложность композиционной структуры, а также популярность «Видения о Петре Пахаре» среди современников позволяют говорить о важном месте, занимаемом поэмой Ленгленда в литературном процессе Англии XIV в.

Целью данной статьи является анализ сцены трапезы, которая содержится в тринадцатой главе «Видения о Петре Пахаре», для выявления специфики ее аллегорической образности. Несмотря на то, что многие эпизоды поэмы пристально изучались английскими и американскими литературоведами, сцена трапезы осталась вне их поля зрения. В рамках нашего исследования попробуем рассмотреть

пиршественные образы в поэме «Видение о Петре Пахаре» в русле средневековой карнавальной культуры, а также выявить приемы создания Ленглендом аллегорической образности.

В отличие от ранних поэм видений Джеффри Чосера, в которых ощущается влияние куртуазной культуры, поэма Ленгленда пропитана духом религиозных исканий эпохи. Поэт остро ощущал духовную и общественную атмосферу времени и пытался дать своим соотечественникам моральные ориентиры в сложном и изменчивом современном мире. «Видение о Петре Пахаре» строится как череда снов, о которых сообщает сам сновидец по имени Уилл. Когда в первом сне леди Святая Церковь убеждает его в важности спасения души, Уилл начинает искать ответы на волнующие его вопросы о спасении. В своих снах он встречается различных аллегорических персонажей и выслушивает их поучения. Среди вопросов, с которыми Уилл обращается к своим собеседникам, часто звучит просьба объяснить природу Делай-хорошо, Делай-лучше и Делай-лучше-всего как трех разных ступеней на пути приближения к праведности.

Очередной морально-религиозный урок рассказчик выносит для себя во время трапезы в доме Совести, куда также приглашен монах богослов. Ленгленд создает весьма своеобразную аллегорическую сцену, которая становится новым этапом дискуссии о спасении. Спор на духовную тему изображен поэтом как застольная беседа. Чтобы понять особенности трактовки Ленглендом мотива пиршественного слова, обратимся к концепции М. М. Бахтина. Бахтин подчеркивал, что «между словом и пиром существует исконная связь. В наиболее ясной и классической форме эта связь дана в античном симпозионе. Но и средневековый гротескный реализм знал свою очень своеобразную традицию симпозиона, то есть пиршественного слова» [1]. Исследователь подчеркнул, что в центре внимания литературных пиршественных дискуссий находились «высокие материи» и «глубокие вопросы» [1], что характерно и для интересующего нас эпизода «Видения о Петре Пахаре», однако карнавальная специфика застольного слова, выделенная Бахтиным, у Ленгленда сведена к минимуму.

Рассматривая образы еды и питья у Рабле, Бахтин отметил «их положительный гиперболизм, их торжественно веселый тон» [1], тенденцию «к избытию и к всенародности» [1], берущие начало в народно-праздничной культуре. Родившиеся в древние времена, когда еда и труд были неразрывно соединены в человеческом сознании, «пиршественные образы продолжают сохранять свое важное значение, свой универсализм, свою существенную связь с жизнью, смертью, борьбой, победой, торжеством, возрождением» [1]. Концентрируя мотивы народной средневековой культуры и осмысливая их в гуманистическом ключе, Рабле подчеркивает жизнеутверждающую ценность телесности и пиршественных образов в противовес аскезе.

В «Видении о Петре Пахаре» ценностная картина мира иная. Поэт утверждает приоритет духовной сферы над телесной, настаивает на умеренности в еде и питье, а грубые физиологические детали вводит преимущественно для создания негативной характеристики персонажа. Ближе к поэме Ленгленда стоит использование традиций симпозиона в сатирических целях, что Бахтин регистрирует, начиная с XI–XII вв. Одним из образцов гротескной сатиры является «Трактат Гарсии из Толедо», в котором описание непрерывного пира и непомерного аппетита Папы и кардиналов служит средством критики римской курии. Но, по мнению Бахтина, в этом произведении проявляется амбивалентность пиршественных образов, так как они, служа «узкосатирической, следовательно, отрицательной

тенденции», «сохраняют и свою положительную природу ... Отрицание здесь не переходит на самую материю образов – на вино, на еду, на обилие ... В произведении этом нет серьезной и последовательной аскетической тенденции» [1]. Такую аскетическую тенденцию Бахтин выделяет в протестантской сатире второй половины XVI в., где «материально-телесные образы неизбежно увядают, подаются сухо и скупно, преувеличения становятся абстрактными» [1]. Мы считаем, что эта манера характерна и для Ленгленда. Поэт ограничивается перечнем названий блюд, а поглощение монахом пищи представлено предельно просто: «ел много различных блюд», «пил вино очень быстро»¹ [3].

Монах-чревоугодник, выведенный Ленглендом, является типичным героем средневековой литературы, в которой можно найти множество образцов сословной сатиры на представителей церкви. Например, в поэме «Магистр Голиас о некоем аббате», приписываемой Вальтеру Мейпсу, показан аббат, который только и делает, что ест и пьет. В латинской рекреативной литературе XII–XIII веков присутствует образ монаха, изображенного пьяницей, обжорой и сладострастником, но, по наблюдению Бахтина, авторы этих историй сочетают порицание с хвалой и «менее всего проникнуты аскетическим идеалом» [1]. У Ленгленда же складывается исключительно отрицательный образ монаха. Для автора «Видения о Петре Пахаре» аскетический идеал крайне актуален, так как согласно средневековой христианской системе ценностей, которую он разделяет, удовольствия тела вредят душе.

Уилл рассказывает, что во сне «...появился Совесть, чтобы утешить меня, / И попросил прийти в его двор, чтобы я пообедал с Ученостью» [3]. Совесть предстает как гостеприимный хозяин, который также оказывает любезный прием монаху-богослову. Помимо этого, к обеду приглашают Терпение, который стоял «во дворе в одежде пилигрима ... / И просил еды из милосердия к бедному отшельнику» [3]. На самое почетное место за столом посадили монаха, а Уилл и Терпение сели в компании друг друга за боковым столом. Монаху подают различные блюда: «Августина и Амвросия и всех четырех евангелистов: / Edentes et bibentes que apud eos sunt»² [3]. Фраза, на которую опирается Ленгленд, используется в Евангелии, когда Иисус посылает учеников проповедовать в народе и просит их останавливаться в домах, пользуясь гостеприимством жителей. Приводя библейскую цитату в ином контексте, поэт превращает христианское вероучение, методически обозначенное именами отцов Церкви и евангелистов, из абстрактного понятия в конкретную аллегорическую деталь, которая ставится в один ряд с названиями действительно существующих кушаний. Сновидец упоминает супы и пюре – изысканную и дорогую пищу, которую монах и его слуга предпочли аллегорическим блюдам. Автор сразу же дает им оценку: «На несправедливо добытое их покровителями они привыкли жить комфортно» [3], а также с помощью индикаторной детали показывает перспективу на будущее: «Но их соус был слишком кислым и невкусно растолченным / В ступке *Post mortem* из многих ужасных мучений / Если только они не будут петь за те души и плакать солеными слезами: / *Vos qui peccata hominum comeditis, nisi pro eis lacrimas et / Oraciones effuderitis, ea que in deliciis comeditis, in tormentis evometis*»³ [3].

¹ Здесь и далее текст поэмы приведен в переводе автора статьи.

² «Ешьте и пейте, что у них есть» (Лук. 10:7).

³ Вы, кто пирует на грехах человеческих, если не прольете слезы за них тем, чем в удовольствии пируете, в муках будет вас рвать.

Названия блюд, которые подаются Уиллу и Терпению, представлены в характерной для Ленгленда манере аллегоризации вербального текста, которая проявляется в других сценах поэмы при наименовании некоторых эпизодических персонажей и деталей аллегорического пейзажа. Данная манера проявляется в том, что их названия составляет целая фраза: например, приносят кислую буханку «*Agite penitenciam*»⁴, напиток «*Dia perseverans*»⁵, кушанье из «*Beati quorum*»⁶, блюда под названием «*Miserere mei, Deus*» и «*Quorum tecta sunt peccata*»⁷ в тайной исповеди «*Dixi et confitebor tibi*»⁸. Бедный пилигрим Терпение получает подавание «*Pro hac orabit ad te omnis sanctus in tempore oportuno*»⁹. Кроме того, Совість сообщает сновидцу и Терпению радостную весть: «И Совість подбодрил нас и сообщил нам приятное: / «*Cor contritum et humiliatum, Deus, non despicias*»¹⁰.

При сравнении блюд на столе монаха-богослова и Уилла с Терпением становится заметно, что поэт иносказательно ведет речь о знаниях, доступных ученым и неученым людям, придавая тем самым новый ракурс дискуссии о роли учености в спасении души, которая развернута на предшествующих страницах поэмы. Перечисляя блюда монаха, поэт говорит о трудах отцов Церкви и Библии, которые могли изучаться только людьми, имеющими достаточный уровень образования. В названиях предлагаемых сновидцу и Терпению блюд узнаются фрагменты покаянных псалмов. Так поэт воплощает знания о христианском образе жизни, минимально необходимые для неученого человека. Принимая во внимание тот факт, что магистр показан в отрицательном свете, можно сделать вывод об авторской позиции: несмотря на ранее выраженное убеждение, что ученому человеку легче перестать грешить, так как он более сведущ в данном вопросе, Ленгленд считает, что к праведности скорее приблизят наивная вера, покаяние и смирение, а не ученость.

Поэт приводит дополнительные детали меню монаха-богослова, состоящего совсем не из духовной пищи, а по контрасту представляющего собой перечень вполне реальных блюд: «... этот доктор за высоким столом пил вино очень быстро: / “*Ve vobis qui potentes estis ad bibendum vinum!*”¹¹ / Он ел много различных блюд, пюре и пудинги, / Рубцы и заливное и жареные в масле яйца» [3]. Сновидец в возмущении вспоминает, как этот монах почти четыре дня назад проповедовал о страданиях Павла, о холоде, голоде и ударах кнутом, вынесенных апостолом. Он замечает, что хотя монахи проповедуют о пользе покаяния, сами они его не исполняют. Ученого монаха Уилл презрительно называет «обжора Господний ... с толстыми щеками» [3] и в гневе желает, «чтобы блюда и тарелки перед этим доктором / Стали расплавленным свинцом в его утробе, и среди них был Дьявол!» [3].

Ленгленд делает образ монаха гротескно преувеличенным в сатирических целях. Авторский сарказм проявляется в желании сновидца услышать от богослова «с раздутым брюхом» [3] о покаянии. Терпение просит Уилла подождать, потому что когда монах наестся до отвала, «у него будет покаяние в животе, он будет раздуваться при каждом слове, / И его внутренности начнут бурчать, и он станет издавать отрывку; / Ибо сейчас он выпил столько, что скоро покажет / И

⁴ Совершай покаяние.

⁵ Долго терпи.

⁶ «Блажен, кому ...» (Пс. 31:1).

⁷ «Помилуй меня, Боже ...» (Пс. 50:3) и «... чьи грехи покрыты» (Пс. 31:1).

⁸ «... я сказал: “исповедаю Господу ...”» (Пс. 31:5).

⁹ «За то помолится Тебе каждый праведник во время благопотребное ...» (Пс. 31:6).

¹⁰ «... сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50:19).

¹¹ «Горе тем, которые храбры пить вино и сильны приготавливать крепкий напиток ...» (Ис. 5:22).

подтвердит «Апокалипсисом Обжор» и страстями Святой Ауреи, / Что бекон, соленая свинина и бланманже / Это не рыба и не мясо, но еда кающегося. / И тогда будет он проповедовать о Троице и брать своего приятеля в свидетели, / Как мало еды в сумке монаха; / Но если первая фраза не будет ложью, никогда мне больше не верьте! / И тогда можно будет задать этому доктору вопрос / о Делай-хорошо и Делай-лучше и означает ли Делай-лучше-всего покаяние» [3]. Свидетельства, которые приведет монах в свою поддержку, дополняют его сатирическое изображение. Так, «Апокалипсис Обжор» представляет собой образец пародийной литературы и содержит описание обжорства монахов. Святая Аурея, именем которой клянется ученый доктор в оправдание своего обжорства, по легенде питала себя исключительно напитком, который выжимала из золы. Пристальное внимание к физиологическим процессам усиливает негативную характеристику персонажа, выявляя его фальшь. Телесный низ составляет всю сущность доктора, поэтому его физическая активность – действия, жесты, связанные с чревоугодием детали портрета – показана подробно. Например, он, «раскрасневшийся, как роза, потер щеки, \ Кашлянул и заговорил ...» [3]; на вопрос Уилла про Делай-хорошо он реагирует так: «Делай-хорошо? – сказал доктор – и сделал глоток – \ Это не делать зла твоему ближнему-христианину – насколько ты можешь» [3]. Такое введение бытовых деталей, физиологических подробностей контрастирует с приемами создания образов аллегорических персонажей, в которых преобладает понятийное начало – а подобные персонажи присутствуют у Ленгленда в большом количестве (например, Святая Церковь, Мысль, Ум, Воображение, Ученость, Писание, Вера, Надежда). В речи таких персонажей заметно преобладает монолог, так как они выступают в роли наставников сновидца, кроме того, их действия не описаны или сведены к минимуму. Напротив, монах-богослов ничему не может научить Уилла, поэтому он не произносит достаточно длинных речей.

Нам кажется, что Ленгленд при создании образа монаха мог опираться на слова Христа: «Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства» (Лк 11:39). Уилл язвительно заявляет, что сам доктор не выполняет Делай-хорошо, так как не поделился с ним и Терпением пудингом, супами и другими яствами. В свою очередь, Уилл готов разделить с доктором свое покаяние.

Чтобы выяснить, что же такое Делай-хорошо, Совесть принимается задавать этот вопрос всем присутствующим. В том числе дать еще один ответ просят доктора, который видит эту проблему так: «Делай-хорошо? – сказал доктор, – это делать, как учат священники; / И Делай-лучше значит трудиться, обучая других; / И Делай-лучше всего значит самому поступать так, как говоришь и проповедуешь: / Qui facit et docuerit magnus vocabitur in regno celorum¹²» [3]. Следующим слово предоставляется Учености. Этот персонаж ссылается на слова Петра Пахаря, который «отрицает все науки, кроме любви / ... / И говорит, что Делай-хорошо и Делай-лучше – это две бесконечности, / Которые с верой находят Делай-лучше-всего, / Которое спасет человеческие души – так говорит Петр Пахарь» [3]. Отметим, что Петр Пахарь – это сложный аллегорический образ, воплощающий в разных эпизодах поэмы добродетельного сельского труженика, проповедника, апостола Петра и даже сопоставляемый с Христом.

Теперь Совесть обращается к пилигриму Терпению. По мнению Терпения, Делай-хорошо значит учиться, Делай-лучше – учить, Делай-лучше-всего – любить врагов. За это знание Терпение благодарит любимую им леди по имени Любовь, которая была его учительницей. Для Делай-хорошо автор находит ма-

¹² «... кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Матф. 5:19).

териальную форму воплощения: Терпение носит с собой «крепко привязанное Делай-хорошо» [3] – талисман, способный защитить от всевозможных невзгод, а также дающий власть над всеми властителями мира. Выслушав Терпение, Совесть решает подобно ему стать пилигримом.

Таким образом, рассматривая три степени приближения к праведности, Ленгленд опирается на традицию застольной беседы, описанную М. М. Бахтиным. Во время обсуждения персонажам по очереди предоставляется право высказать свое мнение о важных проблемах, связанных с христианским образом жизни и отношением к ближнему. Автор также подводит итог дискуссии об учености и слепой вере, о спасении образованных и неграмотных людей, которая давно волновала сновидца. Отдавая должное богословским знаниям, Ленгленд считает, что их приобретение может быть только одним из промежуточных этапов в процессе совершенствования человека. Через всю поэму проходит мысль о том, что первостепенная роль в деле спасения души принадлежит любви как важнейшей христианской добродетели.

Когда пилигримы Терпение, Совесть и вместе с ними Уилл отправляются в путь, в текст вновь вводятся аллегорические детали, связанные с пищей. Еда в котомке Терпения иносказательно воплощает качества, необходимые для пилигримов на пути к праведности: там находились трезвость, простота речи и твердая вера на тот случай, если они придут в голодные страны под названием Недоброта и Жадность. По пути им встретился персонаж по имени Хоукин Активная Жизнь («Haukyn Activa Vita»), который рассказал, как тяжелым трудом добывает пропитание для людей (он называет себя вафельщиком – «waferege»). По мнению Стеллы Мэгвайр, он олицетворяет деятельный образ жизни, связанный с усердной работой, однако основанный на стандартах и ценностях сего мира. Описывая его запачканный пятнами грехов кафтан, Ленгленд показывает, что одного честного труда для спасения недостаточно [2]. Совесть советует Хоукину очистить кафтан с помощью раскаяния и исповеди, а Терпение обещает дать ему достаточно пропитания: «И я обеспечу тебя тестом, – сказал Терпение, – даже когда земля не вспахана, / И мукой, чтобы кормить людей, самой лучшей для души» [4]. Из своей котомки Терпение достал «очень питательную пищу», которая оказалась духовной: Уилл заметил, что «это был отрывок «Отче Наш» – *Fiat voluntas tua*¹³» [4].

Когда Терпение рассказывает Хоукину о бедности и прославляет ее как преимущество, дающее бедняку возможность спастись скорее, чем богачу, он использует ряд кулинарных метафор. Так, бедность – «это сладость для души, слаще, чем сахар» [4], и «терпение – это хлеб для бедности» [4], а «трезвость – сладкий напиток и хорошее лекарство в болезни» [4]. Эти метафорические определения, основанные на противопоставлении материальной и духовной пищи, помогают Хоукину пересмотреть свое отношение к земной жизни.

Аскетизм Терпения противопоставлен чревоугодию ученого доктора, чей образ является не только направленной против монашества сословной сатирой, но и в более широком смысле персонифицирует земные удовольствия. В образе Хоукина также показана поглощенность земной жизнью, но иного рода. Его трудолюбие, качество само по себе высоко оцениваемое Ленглендом, не делает его праведником. Поэтому поэт высказывается о необходимости покаяния, которое дает надежду на спасение. Мотив пищи материальной и духовной пронизывает всю сцену обеда в доме Совести и продолжается в сцене встречи с Хоукином. Он помогает Ленгленду показать необходимость отрешиться от земных забот и обратиться к мыслям о душе. Именно это происходит с Хоукином, который начинает горько каяться, также большое влияние увиденное и услышанное оказывает на Уилла.

¹³ «... да будет воля Твоя ...» (Матф. 6:10).

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1990. – 543 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ah/baht_05.html
2. Maguire S. The Significance of Haukyn, Activa Vita, in Piers Plowman / Stella Maguire // Style and Symbolism in Piers Plowman: A Modern Critical Antology. [ed. by Robert J. Blanch]. – Knoxville : University of Tennessee Press, 1969. – P. 194–208.
3. William Langland's. The Vision of Piers Plowman [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://quod.lib.umich.edu/c/cme/PPILan/1:14?rgn=div1;view=fulltext>
4. William Langland's. The Vision of Piers Plowman [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://quod.lib.umich.edu/c/cme/PPILan/1:15?rgn=div1;view=fulltext>